

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Серия «История». Том 17 (56). 2004 г. № 1. С. 76-84

УДК 930.1:33

Марциновский П.Н.

РЫНОК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В последние годы особенно актуальным становится вопрос о необходимости междисциплинарного подхода к решению исследовательских задач. Этот вопрос заботит, прежде всего, гуманитариев, усматривающих в использовании арсенала естественных наук выход из тупика бесцельности, возникшего в результате краха идеологических парадигм вероятных противников. Немало, в этой связи, говорят о кризисе гуманитарного знания, чрезмерной специализации, неспособности давать ответы на самые актуальные вопросы времени, адекватно реагируя на быстро меняющийся мировой порядок.

Историческая наука, между тем, никогда не отказывалась от применения методов иных областей человеческого знания в качестве инструментария познания исторической действительности. «Историки нового типа, – писал Ф.Бродель, – внимательно следят за всеми науками о человеке. Именно это делает границы истории такими расплывчатыми и интересы историка столь широкими».[1, Р.727] В среде фундаментальных и вспомогательных исторических дисциплин, в археологии и исторической психологии, источниковедении, экономической, политической и культурной истории давно и эффективно используются аналитические методы точных наук. С.И.Крандиевский, автор монографии «Очерки по историографии экономической истории(XVII-XIXвв.)», еще в 1964 году писал о том, что для историко-экономических исследований, имеющих дело с конкретными фактами, требующими количественного измерения, немаловажное значение приобретают статистические данные. Между экономической историей и исторической статистикой существует самая тесная взаимосвязь.[2, С. 145] Особенно заметен рост использования знаний в области математики, статистики, экономики в исследованиях, посвященных социально-экономической истории, которую в литературе последних лет стало модным делить на социальную и экономическую. Однако подобные междисциплинарные исследования вызывают необходимость совершенствования категориального аппарата и самих базовых наук.

В условиях, когда слово «рынок» превратилось в один из самых употребляемых терминов не может не возникнуть вопрос об историческом измерении рынка как категории. Вопрос о том, определены ли, с точки зрения историографии, рассматривающей категориальный аппарат исторической науки, содержание и рамки понятия рынок, фигурирует ли рынок вообще в качестве самостоятельной категории исторической науки. Попытаться ответить на эти вопросы вряд ли будет возможно без вторжения в область экономических категорий. Однако и в этой связи возникает вопрос – видит ли экономическая наука рынок как категорию, или он занимает какое-то иное место в научном дискурсе экономистов?

Целью статьи является представление термина «рынок» как исторической категории, на основе наиболее широкого содержания рынка, для определения которого вводится новый термин – «мегарынко», а также постановка проблемы конституирования рынка как исторической категории.

РЫНОК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Для Адама Смита рынок был регулятором разделения труда. Его объем определяет уровень, которого достигает разделение – этот процесс – ускоритель производства. Рынок есть местопребывание «невидимой руки», там встречаются и там автоматически уравновешиваются через механизм цен предложение и спрос. По мнению Оскара Ланге рынок был первым счетно-решающим устройством, поставленным на службу людям, саморегулирующейся машиной, самостоятельно обеспечивающей равновесие экономической деятельности.[3, С.103]

В.И.Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» давал такое определение: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность».[4, С.21] У Ф.Броделя «...рынок представляет собой лишь несовершенную связь между производством и потреблением, - несовершенную хотя бы в силу того, что она является неполной».[5, С.49]

Существует мнение, что: «...самое неблагодарное дело с точки зрения любой науки – дать однозначное и окончательное определение такого многогранного, многопланового, противоречивого, динамичного и глобального явления, как рынок и шире – рыночная экономика. Рынок – это и место встречи продавца и покупателя; это и спрос, предложение и уравновешивающая их цена; это и так называемый уличный, неорганизованный рынок, и рынок как определенная экономико-правовая и организационно-экономическая институция – организованный рынок; это и рынок как определенная совокупность социально-экономических и организационно-экономических отношений, и т.д., и т.п. Что свидетельствует о невозможности «эталонного», единообразного дефинирования понятия рынок. Но это в свою очередь не только не отрицает, но предполагает самые различные характеристики рынка и рыночной экономики с позиций различных наук, различных сторон и характеристик указанных понятий».[3, С.104] Профессор И.В.Сорока пишет, что предлагаемое нам понятие «саморегулирующийся рынок» обнаруживает теологический вкус к дефиниции и в действительности все формы обмена являются и экономическими, и социальными. «Обмен всегда был диалогом, а цена в тот или иной момент бывала чем-то непредвиденным».[3, С.114]

В процессе разделения экономических категорий на две большие группы – неквантifiableемые и квантифицируемые к первой относят: способ производства, производительные силы, рабочую силу, производство, труд, полезность, стимулы, потребности, стоимость, оптимальность, эффективность, интересы, деньги, распределение, обмен, потребление, а ко второй (индикаторам): средства производства, средства труда, предметы труда, трудовые ресурсы, объем производства, валовой общественный продукт, конечный общественный продукт, затраты труда, оптимальные оценки, оплату труда, спрос, предложение, цены, критерии оптимальности, производительность труда, прибыль, количество денег в обращении, денежные доходы населения, доходы предприятий, доходы госбюджета, реальные доходы населения, расходы госбюджета, товарооборот, оптовый товарооборот, розничный товарооборот, фонд потребления, фонд накопления, основные непроизводственные фонды.[6, С. 77 - 81] Из такой систематизации следует, что рынок, включая все перечисленные категории в

МАРЦИНОВСКИЙ П.Н.

качестве своих составляющих или характеристик, является категорией иного уровня, достижимого лишь в условиях дальнейшей абстрактизации экономического знания, вторжения в сферу категорий исторической науки. Впрочем, авторы «Системологии экономических категорий», как и большинство серьезных экономистов, не сомневаются в целесообразности такого вторжения, отмечая, что вне учета исторического опыта: «...теоретический анализ экономической системы превращается в бестелесное схоластическое словоговорение».[6, С.21]

Вместе с тем, в процессе становления находится и категориальный аппарат исторической науки. Одной из наиболее серьезных попыток обозначить круг исторических категорий стала, вышедшая в 1984 году, книга М.А.Барга «Категории и методы исторической науки».[7] В ней, несмотря на естественную для того времени доминанту марксистско-ленинской философии и формационного подхода к изучению истории человечества, представлен круг основных проблем исторической науки, еще более актуальных сегодня, в условиях отсутствия непререкаемых идеологических догм. Приверженцы так называемого современного историзма в своем увлечении всесторонней критикой советской историографии не заметили как этот отрицающий пафос уже сам, в свою очередь, превратился в некую новую парадигму исторических исследований. Оправданный и понятный на этапе постсоветской трансформации, этот подход на двадцатом году «перестройки» обнаруживает свою полную беспомощность и неконструктивность, превращаясь в провинциальное копирование антимарксистских направлений в западной историографии, тоже, кстати, старающихся выкарабкаться из кризиса вызванного внезапным исчезновением врага, как смысла существования «анти».

Чрезмерное сосредоточение на борьбе с призраками заводит отечественную историческую науку в тупик, отвлекая от решения актуальных проблем, которые никуда не исчезли, поскольку всегда существовали вне зависимости от господства идеологий и антиидеологий. Среди этих проблем основной, безусловно, является проблема познавательных границ исторической науки в контексте целей и задач историографии, путь к решению которой лежит через формирование адекватной и эффективной системы исторических категорий.

М.А.Барг выделяет следующие категории в исторической науке: «всемирно-исторический» и «локально-исторический» (принцип предельности), «историческое время» (методологический и исторический аспекты), «целостность», «структура», «процесс» (принцип системности в историческом исследовании), «исторический факт», «историческая закономерность». И здесь, то ли по причине большей абстрактизации указанных категорий, то ли по причинам идеологическим или принципиальным места рынку как категории не нашлось. С другой стороны, рынок существует внутри этих категорий, составляя, вероятно, немалое их содержание: всемирно-исторический - мировой рынок; локально-исторический – местный рынок; историческое время – состояние, уровень эволюции рынка; целостность рынка, структура рынка, процесс эволюции рынка, исторический факт – элемент эволюции рынка, историческая закономерность – эволюция рынка. Главный вопрос – какого рынка? О каком рынке идет речь?

РЫНОК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Оксфордская иллюстрированная энциклопедия, 1992 года издания, определяет рынок так: «Рынок (в экономике) (market), сфера товарного обмена между покупателями и продавцами. Некоторые рынки имеют конкретное местоположение (например, фондовые биржи), но в настоящее время многие рынки (например, рынок жилья) представляют собой сеть дилеров, связанных определенными соглашениями и правилами торговли. На хорошо организованном свободном рынке цены зависят от рыночных механизмов, регулирующих спрос и предложение. Если потенциальные покупки превышают потенциальные продажи, цены повышаются, уменьшая спрос и увеличивая предложение. Если планируемые продажи превышают планируемые покупки, то ситуация прямо противоположна. Таким образом, рынок играет решающую роль в распределении ресурсов. В плановой (командной) экономике прямые поставки по распоряжению правительства становятся нормой, в отличие от рыночной экономики, где решения децентрализованы и регулируются рынком».[8] В энциклопедии имеются, также, статьи «Рынок труда» и «Рыночный социализм». Рынок здесь рассматривается как исключительно экономическая категория, в своей традиционно понимаемой ипостаси некоей сферы товарного обращения, где достигается необходимый баланс между спросом и предложением. Очевидно, такое определение недостаточно для включения категории «рынок» в круг основных категорий исторической науки.

Более полное и развернутое определение рынка дает Экономическая энциклопедия, изданная в 1999 году: «Рынок (англ.market), в отличие от бытового значения этого слова (место, где с большей или меньшей регулярностью встречаются продавцы и покупатели определенных товаров) в науке определяется как совокупность условий, благодаря которым покупатели и продавцы товара (услуги) вступают в контакт друг с другом с целью покупки или продажи этого товара (услуги). Или (есть и такая трактовка) как абстрактное или действительное пространство, на котором взаимодействуют предложение и спрос на те или иные блага (товары и услуги, включая такие специфические товары как рабочая сила, капиталы и т.п.), и способ этого взаимодействия.

Исследуется взаимодействие спроса и предложения одного отдельно взятого товара (обычно также принимаются во внимание взаимозаменяемые с ним), в этом случае говорят о «Рынке данного товара»; изучаются также: местные рынки, рынки страны (национальные рынки), региональные, наконец, мировой рынок...

... исторический опыт показал, что по крайней мере на обозримое будущее альтернативы рынку нет».[9]

Среди статей энциклопедии имеются также посвященные рынкам валютному, информационному, ипотечному, рынкам покупателя и продавца, характеризующим ситуацию на рынке, мировой рабочей силы, рынку труда, фьючерсному рынку. Кроме того, рассматриваются рыночные, экономика, инфраструктура, саморегулирование.

Большинство определений, так или иначе имеющих отношение к рынку тесно увязывают понятия «рынок» и «рыночная экономика». «Market economy»(рыночная экономика) – экономическая система, в которой решения относительно распределения ресурсов и производства принимаются на основе цен, возникающих

МАРЦИНОВСКИЙ П.Н.

в результате добровольного обмена между производителями, потребителями, рабочими и собственниками факторов производства. Решения, принимаемые в такой экономической системе, являются децентрализованными, т.е. в большинстве случаев они принимаются независимо группами и индивидами, а не центральными планирующими органами. Рыночная экономика обычно предполагает систему частной собственности на средства производства, т.е. она является «капиталистической» экономикой или экономикой «частного предпринимательства».[10, С.311; 3, С.119]

Большая Советская Энциклопедия определяла рынок так: «Рынок, сфера товарного обмена. С точки зрения территориальных границ рынка и его масштабов различают местный рынок, национальный (внутренний) и мировой (внешний). Рынок выступает господствующей и определяющей формой связи товаропроизводителей на основе общественного разделения труда». Далее в статье следует краткое описание процесса формирования рынка. Остановимся на важных, с нашей точки зрения, тезисах этой энциклопедической статьи: «Общественное воспроизводство в условиях капитализма обслуживается системой рынков – рынками товаров, рабочей силы, капиталов. При социализме наличие товарно-денежных отношений делает необходимым сохранение рынка. Планомерная организация общественного хозяйства и господство общенародной собственности существенно меняют назначение, сферу действия и характер рынка. Из рыночного оборота изъяты природные ресурсы и основные фонды (заводы, электростанции и т.п.), исчез рынок рабочей силы. Рынок перестает служить орудием стихийного учета общественного труда, он выступает составным элементом планового ведения хозяйства... Использование рынка в социалистическом обществе ничего общего не имеет с идеями «рыночного социализма». С появлением двух мировых рынков – капиталистического и социалистического – не исчезает единый мировой рынок. Складываясь в результате взаимодействия двух противоположных по своей природе рынков, мировой рынок является экономической основой мирного сосуществования двух социальных систем, между которыми происходит экономическое соревнование».[11, С.452 – 453] Не останавливаясь на особенностях лексики времен написания этой энциклопедической статьи, не обошедшей стороной политически тогда актуальной дискуссии вокруг «рыночного социализма», заметим, что в советскую эпоху никуда не исчезал не только рынок, но и все его крупные составляющие. Разница состояла лишь в том, что страна, превратившись в одну огромную корпорацию, при помощи государственных органов, таких как Госплан, например, реагировала предложением на общественный спрос. Произошла и соответствующая смена терминологии. Так, например, и рынок рабочей силы никуда не исчезал, будучи централизованно управляемым и называемся государственной или партийной кадровой политикой. Другое дело, что попытка управлять, а вернее, командовать рынком привела к крупным ошибкам, которые он не прощает, взрывая общественную систему, не соответствующую уровню и структуре его развития. Присутствие понятия «социалистический рынок» в политической и экономической практике советской эпохи не является нонсенсом. Теоретики и практики светлого коммунистического будущего с удовольствием забыли бы слово рынок, но, увы,

РЫНОК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

сфера обмена возникает даже тогда, когда, по меньшей мере два человека вступают в разговор, предлагая друг другу общение и обмениваясь информацией.

Между тем, правила игры на «социалистическом рынке» за долгие годы сформировали антилиберальное сознание советских людей, которое еще очень долго будет оставаться причиной наследственных социально-экономических заболеваний постсоветского общества, проявляющихся, порой, в самых причудливых формах. В недавнем прошлом такие проявления служили доказательством, с одной стороны, неистребимости рынка, с другой – его катастрофической деформированности, когда «...тоталитарная советская система отрицала рыночную экономику по определению, а спекуляцию при этом культивировала такую, какую нигде в странах с рыночной экономикой не видывали».[3, С.142]

В современной литературе область применения понятия «рынок» не ограничивается экономической сферой. Говорят и о рынке законов: «...можно вести речь о своеобразном рынке рукотворных экономических законов. Ибо тут есть свои продавцы, свои покупатели, своя система организации или дезорганизации процесса купли-продажи законов»[3, С.107]; и о рынке власти: «Противоречия, определяющие не поддающееся критике качество «товарного наполнения» рынка экономических законов, в свою очередь сами определяются крайними противоречиями такого специфического рынка, как рынок власти. Последний, кстати, опосредует отношения между обществом как потребителем и рынком экономических законов. Основной же спецификой рынка власти, главным составляющим которого является рынок законов, посвященных государственному строительству, является то, что на рынке власти существует два покупателя, которые одновременно являются и продавцами»[3, С.109] (законодательная и исполнительная власть). В современной литературе сфера применения понятия «рынку» охватывает уже не только экономику и политику, но и культуру: «Достаточно обширный рынок художественных изделий существовал уже в крупных городах античности»[12, С.332], «Возник обширный рынок так называемой народной литературы - лубочных книжек с картинками» [12, С.332], «Мода - самый наглядный социально-психологический эквивалент рыночной конъюнктуры».[12, С.332] И это, безусловно, далеко не все примеры использования понятия «рынок» в научной литературе, триумfalному шествию которого было положено начало фундаментальными трудами Ф.Броделя.

Рассматривая «парадоксы межкультурного обмена в глобальном мире» А.С.Панарин прямо указывает на ограниченность и бесперспективность банализированного, почти бытового представления о рынке, которое господствует сегодня в обществе: «Современные либералы, утратившие культурологическую интуицию, рассматривают рыночную экономику как специфический тип социальной технологии, игнорируя ее культурные и нравственные предпосылки. Поэтому-то их рекомендации по внедрению рыночных начал оказываются столь контрпродуктивными. В межкультурном обмене действует закономерность: культуры обмениваются информацией, заложенной в их верхних пластиах; более глубинные пласти относятся к той сфере коллективного подсознания, которая neverбализуется, не являет себя в прямых, непревращенных формах».[13, С.94] Говоря, по сути, о серьезной опасности заблуждений в связи с так называемыми «общечеловеческими ценностями» и невозможности достижения полного тождества с предметом вожделенного подражания, даже если в обществе такая иллюзия имеет место, А.С.Панарин пишет

МАРЦИНОВСКИЙ П.Н.

«...культуры больше обмениваются готовыми результатами деятельности, чем информацией, относящейся к технологическим основам этой деятельности и, тем более, к ее глубинным архетипическим предпосылкам. Можно сказать, что культуры в процессе обмена мистифицируют и дезориентируют друг друга».[13, С.95] Что это, если не типичное проявление конкурентной борьбы в форме информационной экспансии? «Либерализация межкультурного обмена... по сути означает, что духовная власть в стране-реципиенте перешла к элите страны-культурного донора. Чужая элита властвует над умами местного населения, насыщая свои вкусы, стандарты, мнения и нормы. Причем происходит это помимо всякой военно-политической капитуляции: здесь действуют стихийные механизмы неэквивалентного межкультурного обмена, обрекающие население стран реципиентов на роль объектов социокультурной манипуляции».[13, С.96]

На рубеже ХХ и ХХI веков оперативный эффект применения культурно-информационного оружия в глобальной конкурентной борьбе превосходит все ожидания. От блестяще организованной «революции притязаний»[13, С. 98] на территории менее сильного по уровню потребления противника до полномасштабной глобализации по-американски. Лишь в редких случаях сегодня требуется прямое применение традиционной военной силы в качестве «последнего довода королей». «То что на Западе в свое время давало цивилизующий эффект, может ознаменоваться эффектами варваризации в других культурных регионах. Вестернизация, ослабляя местные культуры и связанные с ними специфические цивилизационные нормы, ведет, как оказалось, не к торжеству «европейского порядка» в мировом масштабе, а к неожиданной активизации варварства. «Экономический человек» как орудие западной экспансии проявил черты откровенного культурофоба и редукциониста, разрушающего цивилизованные инфраструктуры, связанные с независимой «надстройкой». Везде, где ему было позволено откровенно заявить о себе, он ведет игру на понижение, дискредитирует высокие духовные мотивации под предлогом их экономической неадекватности, а центры духовного производства демонтирует под предлогом «нерентабельности».[13, С. 100]

Из сказанного выше следует, что фундаментальные свойства и характеристики национальных культур играют определяющую роль в формировании и эволюции национальных рынков, их способности самостоятельно развиваться и конкурировать на мировой арене. Однако такое расширение применения категории рынка, включение в его сферу всего, что касается жизни человека в обществе и самого общества, вызывает необходимость уточнения самого термина «рынок», или, что более целесообразно, использование особой терминологии, адекватной наиболее широкому взгляду на процессы обмена в человеческом обществе.

Вероятно, определение рынка как исторической категории нуждается в ином уровне абстрактизации. Максимум того, что мы можем получить из имеющихся определений может звучать так: «Рынок - сфера товарного обращения, товарообмена, абстрактное или действительное пространство, на котором взаимодействуют предложение и спрос на те или иные блага, определенная совокупность социально-экономических и организационно-экономических отношений». Однако, и такое определение, применительно к категориальному аппарату исторической науки недостаточно, и поэтому позволим себе предложить иное: «Рынок – сфера удовлетворения индивидуальных и общественных

РЫНОК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

потребностей в результате взаимодействия предложения и спроса». Очевидно, рынок появляется там и тогда, где и когда появляется общество, состоящее из людей, с их потребностями, совокупность которых складывается в потребности общества, которые не ограничиваются товарно-денежной и даже экономической сферой.

Рынок, в любой его интерпретации, существует исключительно в сфере человеческого взаимодействия. Рынок ни в коем случае не является неким механизмом, алгоритмом общественного счастья или универсальным терапевтическим средством. Рынок – есть некое, отнюдь не самодостаточное пространство, возникающее вокруг процессов обмена, вызванных спросом и предложением. Распространение действия этой категории на всю органическую и, тем более неорганическую среду является, на наш взгляд, ошибочным и чрезмерным упрощением, поскольку не одна лишь возможность выбора свидетельствует о наличии рынка, а состояние совершившегося обмена, наличие спроса и предложения, носителем которых выступает человек с его объективными потребностями и субъективными капризами. Тем не менее, такие попытки имели место в некоторых физикалистских теориях, призванных объяснить миропорядок и его эволюцию.

К сожалению, ни в научной, ни в научно-популярной литературе почти не существует примеров нетрадиционного, «необывательского» видения рынка. Единственными, на наш взгляд, исключениями являются работы Н.Н.Моисеева[14], С.Д.Хайтуна[15], и С.Г.Кордонского[16], которые, пожалуй, исчерпывают список литературы, где теоретическое видение рынка отличается от традиционно принятого. Фундаментальная же основа рынка и, тем более, мегарынка – человеческие интересы, желания и потребности, в контексте социально-экономической истории, в историографии, как отечественной, так и зарубежной, к сожалению, практически не представлены.

Человеческие потребности и формирующиеся в результате их взаимодействия потребности общественные выступают основным фундаментом, движущей силой исторического процесса, являющегося, по сути, эволюцией глобального рынка. Но рынка не в узком понимании, рынка не товаров и услуг с синхронно реагирующими на них ценами, выраженными в определенных денежных единицах, но всеобщего рынка обмена, призванного удовлетворить потребности людей во всем их многообразии – от общения и эстетического наслаждения до питания и жилья, от потребности в острых ощущениях до жажды познания и творчества. Такой рынок, по нашему мнению, нуждается в особом определении, поскольку, как мы уже убедились, спектр определений понятия «рынок» очень широк – от базара до рынка власти, и в каждом случае придется объяснять какой именно рынок имеется в виду. Поэтому такой всеобщий рынок, охватывающий все сферы человеческой деятельности, выходящий за рамки товарно-денежных отношений, глобальный рынок обмена и удовлетворения потребностей мы определим как *Мегарынок*. *Мегарынок* – это сфера удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей в результате взаимодействия предложения и спроса.

Выводы:

Функция мегарынка как теоретического фундамента исторической науки заключается в том, что он вводит некое единое поле рассмотрения для вещей считавшихся несовместимыми – идеальное и материальное, объективное и субъективное, случайное и закономерное, общественное и личное в истории человеческого общества становятся

МАРЦИНОВСКИЙ П.Н.

единным целым взаимодействующим, невозможным одно без другого в сфере нужности и ненужности, предложения и спроса, сфере человеческого интереса.

Сфера обмена, не выходящего за рамки сферы денежного обращения является рынком в традиционном понимании. Как только сфера обмена выходит за эти рамки и вторгается в область духовного, вечного, интеллектуального, творческого, неуловимого, непродаеваемого и непокупаемого, но предлагаемого и потребляемого – возникает мегарынок, где краеугольным камнем выступают человеческие потребности, удовлетворяемые и формируемые в рамках социума.

Для мегарынка, как для всякой социальной или экономической категории наиважнейшим является историческое измерение, позволяющее определить основные характеристики категории, некую систему координат, позволяющую на материале истории человеческого общества увидеть специфику, функции и сферу применения категории. Решение этой задачи – дело ближайшего будущего.

Список литературы

1. Braudel F.Histoire et Sciences Sociales. - Annales.E.S.C. - 1968,oct.
2. Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории(XVII-XIXвв.). - Харьков,1964. – 307 с.
3. Сорока И.В. Мотивация предпринимательства как экономико-философский феномен: сущность, эволюция, современные проблемы.- Донецк, ДГУЭТ, 1999. – 456 с.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.- Т.3. – 792 с.
5. Бродель Фернан. Динамика капитализма. - Смоленск,1993. – 123 с.
6. Дадаян В.С., Тавадян А.А.Системология экономических категорий/РАН,Центр.экономико-математический институт.-М.,1992. – 106 с.
7. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. - М.: Наука,1984. – 342 с.
8. Oxford Illustrated Encyclopedia, Vol.7, Peoples and cultures. – Oxford, Oxford University Press. – New York, Melboorn, 1992.
9. Экономическая энциклопедия. - М.:Экономика,1999. -1055 с.
10. Словарь современной экономической теории Макмиллана. - М.:ИНФРА-М,1997.
11. Большая Советская Энциклопедия. - Т.22.
12. Шкуратов В.А. Историческая психология. - М.: Смысл,1997. – 357 с.
13. Философия истории: Учеб.пособие//Под ред. проф.А.С.Панарина. - М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
14. Моисеев Н.Н.Идеи естествознания и общественные науки//АН СССР, Вычислительный центр АН СССР. - Москва, 1991. – 256 с.; Моисеев Н.Н.Судьба цивилизации. Путь разума. - М.: Яз. рус. культуры 2000. – 228 с.
15. Хайтун С.Д. Социальная эволюция, энтропия и рынок//Общественные науки и современность. – М.:Наука, 2000. - №6. – С. 94 – 109; Хайтун С.Д.Фундаментальная сущность эволюции//Вопросы философии. – М.:Институт философии РАН, 2001. - №2. – С. 152 – 166.
16. Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. - М.: ОГИ, 2000. – 239 с.

Поступило в редакцию 07.12.2004